

Петр Столыпин

Из выступлений на заседаниях Государственной Думы

*Часть сборника
Классики теории
государственного управления:
Управленческие идеи
в России
(сборник)*

Петр Аркадьевич Столыпин

Из выступлений на заседаниях Государственной Думы

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=628605

Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России / Факультет государственного управления МГУ им. М.В.

Ломоносова; Редкол.: А.В. Сурин (председатель), Ю.Ю. Петрунин (отв. ред.) и др.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН);

Москва; 2008

ISBN 978-5-8243-0935-5

Аннотация

«...признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не повод против предложения левых партий, если это предложение будет признано спасительным. ...»

Содержание

Заседание Государственной Думы 10 апреля 1907 г. Декларация правительства по аграрному вопросу	4
Заседание Государственной Думы 27 апреля 1911 г. Ответ на запрос о применении ст. 87 Основных законов	23
Заседание Государственной Думы 16 ноября 1907 г. Декларация правительственной программы	42

П.А. Столыпин¹
Из выступлений
на заседаниях
Государственной Думы

**Заседание Государственной
Думы 10 апреля 1907 г.**

**Декларация правительства
по аграрному вопросу**

Господа члены Государственной Думы! Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо ныне же, до окончания прений, сделать заявление как по возбуждавшемуся тут вопросу, так и о предположениях самого Правительства.

Я, господа, не думаю представлять вам полной аграрной программы Правительства: это предполагалось сделать надлежащим компетентным ведомствам в аграрной комиссии. Сегодня я только узнал, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены Правительства и не заслушиваются

даже те данные и материалы, которыми Правительство располагает, принимают принципиальные решения. Тем более я считаю необходимым высказаться только в пределах тех вопросов, которые тут подымались и обсуждались. Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле самым искренним образом, желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным: я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных, вместо голодающих и погромщиков; я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения аграрного вопроса, острота которого, хотя бы отчасти, питает смуту.

Я поэтому обойду все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против Правительства. Я не буду останавливаться и на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть; я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрения, постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, бесстрастно к данному вопросу. Постараюсь вникнуть в существо высказывавшихся мнений, памятуя, что мнения, не согласные со взглядами Правительства, не могут почитаться за крамолу.

Правительству тем более, мне кажется, подобает высказываться в общих чертах, что из бывших здесь прений, из бывшего предварительного обсуждения вопроса ясно, как мало шансов сблизить различные точки зрения, как мало шансов дать аграрной комиссии определенные задания, очерченный строгими рамками наказ.

Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых. Я не буду оспаривать тех весьма спорных, по мне, цифр, которые здесь представлялись... Я охотно соглашусь и с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим Правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса. Я должен указать только на то, что тот способ, который здесь предложен, тот путь, который здесь намечен, поведет к полному перевороту во всех существующих гражданских правоотношениях, он ведет к тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного класса интересы всех других слоев населения. Он ведет, господа, к социальной революции. Это сознается, мне кажется, и теми ораторами, которые тут говорили. Один из них приглашал государственную власть возвыситься в этом случае над правом и заявлял, что вся задача настоящего момента заключается именно в том, чтобы разрушить государственность с ее помещичьей бюрократической основой и на развалинах государственности создать государственность современную, на новых культурных началах. Со-

гласно этому учению государственная необходимость должна возвыситься над правом не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить в самом корне именно существующую государственность, существующий в настоящее время государственный строй.

Словом, признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не повод против предложения левых партий, если это предложение будет признано спасительным. Предположим же на время, что Государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного образованного класса землевладельцев, что оно примирится с разрушением редких культурных очагов на местах. Что же из этого выйдет? Что был бы, по крайней мере, этим способом разрешен, хотя бы с материальной стороны, земельный вопрос? Дал бы или нет возможность устроить крестьян у себя на местах?

На это ответ могут дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян, владеющих ныне надельною землею, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего вместе, с имею-

щимися ныне, по 147 дес. на двор, в Олонецкой по 185 дес, в Архангельской даже по 1009 дес, в 14 губерниях не достало бы и по 15 дес, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9 дес, в Подольской всего по 8 дес. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих. Четвертая часть частновладельческих земель находится в тех губерниях, которые имеют надел свыше 15 дес. на двор и лишь седьмая часть частновладельческих земель расположена в 10 губерниях с наименьшим наделом, т. е. по 7 дес. на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владельцев, т. е. не только 107 000 дворян, но и 490 000 крестьян, купивших себе землю, и 8500 мещан, — а эти два последние разряда владеют до 17 млн дес. Из этого следует, что поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах; придется прибегнуть к тому же средству, которое предлагает Правительство, т. е. к переселению; придется отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части населения в другие области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается из цифр прироста населения за десятилетний период в 50 губерниях европейской России. Россия, господа, не вымирает; прирост ее населения превосходит прирост всех остальных государств всего мира, достигая на 1000 человек 15,1 в год. Таким образом, это даст на одну европейскую Россию всего на 50 губерний 1 625 000

душ естественного прироста в год, или, считая семью в пять человек, 341 000 семей. Так что для удовлетворения земель одного только прирастающего населения, считая по 10 дес. на один двор, потребно было бы ежегодно 3 1/2 миллиона десятин.

Из этого ясно господа, что путем отчуждения, разъединения частновладельческих земель, земельный вопрос не разрешается. Это равносильно наложению пластыря на засоренную рану. Но кроме упомянутых материальных результатов, что даст этот способ стране, что даст он с нравственной стороны? Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всему одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию. Все и вся были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух. Но к воде и к воздуху не прикасается рука человеческая, не улучшает их рабочий труд; иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, наложена была бы плата, на них установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распределялась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным социал-демократическим присутственным местом, что эта земля получила бы скоро те же свойства, как и вода и воздух. Ею бы стали поль-

зоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу, – этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена.

Каждый гражданин – а между ними всегда были и будут тунеядцы – будет знать, что он имеет право заявить о своем желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Все будет сравнено, но приравнять всех можно только к низшему уровню. Нельзя человека ленивого приравнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному.

Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин-изобретатель, самую силою вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле. Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот и человек даровитый, сильный, способный, силою восстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность имела всегда своим основанием силу, за которою стояло и нравственное право. Ведь и раздача земли при Екатерине Великой оправдывалась необходимостью заселения незаселенных громадных пространств.

И тут была государственная мысль. Точно так же право способного, право даровитого создало и право собственно-

сти на Западе. Неужели же нам возобновлять этот опыт и переживать новое воссоздание права собственности на уравниваемых и разоренных полях России? А эта перекроенная и уравненная Россия – что, стала ли бы она и более могущественной и богатой? Ведь богатство народов создает и могущество страны. Путем же переделения всей земли государство в своем целом не приобретает ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распыленная земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата. Но, положим, что эта картина неверна, что краски тут сгущены, кто же, однако, будет возражать против того, что такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой целостности России. Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам, среди других сильных и крепких народов, превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество. Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение, там смерть.

Теперь обратимся, господа, к другому предложенному нам проекту партии народной свободы. Проект этот не обнимает задачу в таком большом объеме, как предыдущий

проект, и задается увеличением пространства крестьянско-го землевладения. Проект этот даже отрицает, не признает и не создает ни за кем права на землю. Однако я должен сказать, что в этом проекте для меня не все понятно и он представляется мне во многом противоречивым. Докладчик этой партии в своей речи отнесся очень критически к началам национализации земли. Я полагал, что он логически должен поэтому прийти к противоположному, к признанию принципа собственности, отчасти это и было сделано. Он признавал за крестьянами право неизменного постоянного пользования землей, но вместе с тем для расширения его владений он признал необходимым нарушить постоянное пользование его соседей землевладельцев.

Вместе с тем он гарантирует крестьянам ненарушимость их владений в будущем. Но раз признан принцип отчуждаемости, то кто же поверит тому, что, если понадобится со временем отторгнуть земли крестьян, они не будут отчуждены? И потому мне кажется, что в этом отношении проект левых партий гораздо более искренен и правдив – в нем признается возможность пересмотра трудовых норм, отнятие излишка земли у домохозяев. Вообще, если признавать принцип обязательного количественного отчуждения, то есть принцип возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему поведет это в конечном выводе, – это приведет к той же национализации земли. Ведь если теперь, в 1907 году, у владель-

ца, скажем, 3000 десятин, будет отнято 2500 и за ним останутся 500 дес. культурных, то ведь с изменением понятия о культурности и с ростом населения он, несомненно, подвергается риску отнятия остальных 500 десятин. Мне кажется, что и крестьянин не поймет, почему он должен переселяться куда-то вдаль ввиду этого только, что его сосед не разорен, а имеет, по нашим понятиям, культурное хозяйство. Почему он должен идти в Сибирь и почему не может быть направлен – по картинному выражению одного из ораторов партии народной свободы – на соседнюю помещичью землю? Мне кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отменяется; она изымается из области купли и продажи. Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены. Докладчик партии прикидывал цену на отчужденную землю в среднем по 80 рублей на десятину в европейской России. Ведь это не может поощрить к применению своего труда в земле, скажем, тех лиц, которые за землю год перед тем заплатили по 200–300 рублей за десятину и вложили в нее свое достояние. Но между мыслями, предложенными докладчиком партии народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себе самое серьезное внимание. Докладчик заявил, что надо предоставить самим крестьянам устраиваться так, как им удобно. Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно ос-

новательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы действительно поможем населению. Нельзя такого заявления не приветствовать. И само правительство во всех своих стремлениях указывает только на одно: нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает. Интересно еще в проекте партии народной свободы другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи. Предлагается отнести на расходы казны половину стоимости земли, приобретаемой крестьянами. Я к этому началу еще вернусь, а теперь укажу, что оно, мне кажется, несколько противоречит провозглашаемому принципу принудительного отчуждения. Если признать принудительное отчуждение, то как же, наряду с этим, признать необходимость для всего населения, для всего государства, для всех классов населения прийти на помощь самой нуждающейся части населения? Почему наряду с этим необходимо с этой целью обездолжить 130 000 владельцев, и не только обездолжить, но и оторвать их от привычного и полезного для государства труда. Может быть, господа, без этого обойтись нельзя?

Прежде чем изложить вам в общих чертах виды правительства, я позволю себе остановиться еще на одном способе разрешения земельного вопроса, который засел во многих головах. Этот способ, этот путь – это путь насилия. Вам всем известно, господа, насколько легко прислушива-

ется наш крестьянин-простолюдин ко всевозможным толкам, насколько легко он поддается толчку, особенно в направлении разрешения своих земельных вожелдений явочным путем, путем, так сказать, насилия. За это уже платился несколько раз наш серый крестьянин. Я не могу не заявить, что в настоящее время опасность новых насилий, новых бед в деревне возрастает.

Правительство должно учитывать два явления: с одной стороны – несомненное желание, потребность, стремление широких кругов общества поставить работу в государстве на правильных законных началах и приступить к правильно-новому законодательству для улучшения жизни страны. Это стремление правительство не может не приветствовать и обязано приложить все силы для того, чтобы помочь ему; но наряду с этим существует и другое – существует желание усилить брожение в стране, бросать в население семена возбуждения смуты с целью возбуждения недоверия к правительству, с тем чтобы подорвать его авторитет, для того чтобы соединить воедино все враждебные правительству силы. Ведь с этой кафедры, господа, была брошена фраза: «Мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять». Отсюда, господа, распространялись и письма в провинцию, в деревни, письма, которые печатались в провинциальных газетах, почему я о них и упоминаю, письма, вызывавшие и смущение, и возмущение на местах. Авторы этих писем привлекались к ответственности, но поймите, господа, что делалось в поня-

тиях тех сельских обывателей, которым предлагалось, ввиду якобы насилий, кровожадности и преступлений правительства, обратиться к насилию и взять землю силой. Я не буду утруждать вас, господа, ознакомлением с этими документами. Я скажу только, при наличии их, – и я откровенно это заявляю, так как русский министр и не может иначе говорить в русской Гос. Думе, – можно предвидеть и наличие новых попыток приобретения земли силою и насилием. Я должен сказать, что в настоящее время опасность эта еще далеко, но необходимо определить ту черту, за которой опасность эта, опасность успешного воздействия на население в смысле открытого выступления, становится действительно тревожной. Государство, конечно, переступить эту черту, этот предел не позволит, иначе оно перестанет быть государством и станет пособником собственного своего разрушения. Все, что я сказал, господа, является разбором тех стремлений, которые, по мнению Правительства, не дают того ответа на запросы, того разрешения дела, которого ожидает Россия. Насилия допущены не будут. Национализация земли представляется Правительству губельною для страны, а проект партии народной свободы, т. е. полуэкспроприация, полунационализация в конечном счете, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложение левых партий.

Где же выход? Думает ли Правительство ограничиться полумерами и полицейским охранением порядка? Но прежде чем говорить о способах, нужно ясно себе представить цель,

а цель у Правительства вполне определена: Правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность.

Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину Правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами.

Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу, надлежит сделать учет всем тем малоземельным крестьянам, которые живут земледелием. Придется всем этим малоземельным крестьянам дать возможность воспользоваться из существующего земельного запаса таким количеством земли, которое им необходимо, на льготных условиях. Мы слышали тут, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всем крестьянам, необходимо иметь запас в 57 млн дес. земли. Опять-таки говорю, я цифры не оспариваю, тут же указывалось на то, что в распоряжении Правительства находится около 10 млн дес. земли.

Но, господа, ведь Правительство только недавно начало образовывать земельный фонд. Ведь Крестьянский банк перегружен предложениями. Здесь нападали и на Крестьянский банк, и нападки эти были достаточно веские. Была при этом брошена фраза: «Это надо бросить». По мнению Правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дело надо улучшать. При этом должно, быть может, обратиться к той мысли, на которую я указывал раньше – мысль о государственной помощи. Остановитесь, господа, на том соображении, что Государство есть один целый организм, и что если между частями организма, частями Государства начнется борьба, то Государство неминуемо погибнет и превратится «в Государство, разделившееся на ся». В настоящее время Государство у нас хворает. Самой больною, самой слабою частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ взять и разделить все 130 000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю Тришкина кафтана – обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?

Господа! Нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самыми кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в насто-

ящее время является слабейшей. В этом – смысл государственности, в этом – оправдание Государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма: но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю. В общих чертах дело сводилось бы к следующему: Государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые, вместе с землями удельными и государственными, составляли государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в настоящее время крестьянство оскудело и ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, которой взыскивается Государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы посилен крестьянину, который был бы определяем государственными

ми учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов. Таким образом, вышло бы, что все Государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса, 130 000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры.

Этим именно путем Правительство начало идти, понизив <...> проценты платежа Крестьянскому банку. Способ этот более гибкий, менее огульный, чем тот способ повсеместного принятия на себя государством платежа половинной стоимости земли, которую предлагает партия народной свободы. Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана, таким образом, крупная индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под надельные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых Правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет; при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обя-

зательном отчуждении. Пора этот вопрос двинуть в его настоящие рамки, пора, господа не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед. Средство это представляется смелым потому только, что в разрозненной России оно создаст еще класс разоренных землевладельцев.

Обязательное отчуждение действительно может явиться необходимым. Но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного.

Оно должно применяться главным образом тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими земель; оно представляется возможным тогда, когда необходимо при переходе к лучшему способу хозяйства – устроить водопой, устроить выгон, пастбища, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы. Но я, господа, не предлагаю вам, как я сказал ранее, полного аграрного проекта. Я предлагаю вашему вниманию только те вехи, поставлены Правительством. Более полный проект предлагалось внести со стороны компетентного ведомства в соответствующую комиссию, если бы в нее были приглашены представители Правительства для того, чтобы быть там выслушанными.

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить

этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!

Заседание Государственной Думы 27 апреля 1911 г. Ответ на запрос о применении ст. 87 Основных законов

Господа члены Государственной Думы! Время, протекшее со времени внесения в Гос. Думу запроса о незаконном применении Правительством ст. 87 Осн. зак., закрепило ходячее мнение о причинах, руководивших действиями Правительства в этом деле, и придало им в глазах многих характер совершенной бесспорности. Моя задача – противопоставить этим суждениям совершенно откровенное изложение всего хода взволновавшего вас дела и, насколько возможно, полное и точное разъяснение побудительных причин, вынудивших Правительство прибегнуть в данном случае к неожиданной и чрезвычайной мере. Понятно, что речь моя, какой бы летописный характер она ни носила, все же, ввиду сложившегося в различных политических кругах понимания правительственной политики, будет восприниматься с некоторой неприязнью моими слушателями. Это первое и большое затруднение, с которым мне придется считаться в моих объяснениях. Но оно не единственное. Другое неблагоприятное для меня обстоятельство то, что мне приходится

отвечать Гос. Думе после того, как мною уже даны разъяснения по тому же предмету Гос. Совету, как стороне, наиболее заинтересованной в деле. А так как доводы Правительства уже значительно исчерпаны, то мне не избежать некоторых повторений, хотя повторить я постараюсь лишь то, что, может быть, повторить и не бесполезно. Повторения эти будут касаться главным образом формальной стороны дела, несмотря на то, что я огораживаться формальным правом не намерен. Но обойти эту сторону вопроса я не могу, так как мне в дальнейшем изложении придется опираться, как на установленный факт, на то, что в данном случае при других необходимых условиях не было со стороны Правительства ни нарушения, ни обхода закона. Это необходимо мне и для более ясного освещения ст. 87, значение которой определяет права Короны, и не может быть умалено без создания нежелательного прецедента. Какие же формальные права присущи нашим законодательным учреждениям? Гос. Дума так же, как и Гос. Совет, вправе, конечно, предъявлять Правительству запросы из области управления, но весьма сомнительно, чтобы эти же учреждения вправе были запрашивать Правительство по предметам свойства законодательного, хотя бы законодательные функции временно осуществлялись через Совет Министров. Права наших палат в этом отношении твердо и ясно выражены в самом законе. Они заключаются в праве последующего обсуждения временных законов и отказа в последующей им санкции. Все возраже-

ния по этому поводу основаны, по моему мнению, на смешении двух понятий, двух моментов: прав палат, после того как закон уже внесен в законодательные учреждения, и прав палат предварительного контролирования формальной закономерности правительственного акта до этого. Первое право, право отвергнуть закон по всевозможным мотивам и даже без всяких мотивов, совершенно бесспорно, а второго права просто не существует, оно представляло бы из себя юридический *nonsens*. Первым обширнейшим полномочием поглощается право запроса, им определяются права законодательных палат, которые не могут стать цензором формальной правильности акта Верховной власти. Я знаю в практике западных государств случаи отклонения временных законов, проведенных в чрезвычайном порядке, но я не знаю случаев запроса о незакономерности таких актов, так как субъективная оценка и момента чрезвычайности и момента целесообразности принадлежит во всяком случае не палатам. Это логично и понятно: законодательные учреждения не могут и сделаться судьей закономерности (законности) законодательного акта другого учреждения. Обязанность эта по нашим законам принадлежит исключительно Правительствующему Сенату, который не имеет права опубликовать или обнародовать незаконный, незакономерный акт.

Точно так же законодательные учреждения вправе запрашивать и председателя Совета Министров, и отдельных министров, и главноуправляющих о незакономерных их дей-

ствиях, но едва ли они вправе запрашивать о том же Совет Министров, как учреждение, не подчиненное Правительствующему Сенату, в котором, когда Ему это благоугодно, председательствует Его Императорское Величество. Единственный раз, когда мне был предъявлен запрос о незаконных действиях Совета Министров как учреждения, а именно по изданию правил 24 августа 1909 года («Правила 24 августа 1909 г.» – правила, предусматривающие применение чрезвычайных средств борьбы с террором 12 октября 1909 года фракция социал-демократов внесла запрос в Думу с целью объявить эти правила противозаконными. Запрос был поддержан лидером октябристов А.И. Гучковым, закончившим свою известную речь по этому поводу вызывающим «мы ждем». Обсуждение этого запроса Думой началось 26 марта 1910 года. В связи с этим и была произнесена речь П.А. Столыпина о терроре, в которой правила 24 августа были определены им как «инструкция министрам». В итоге Дума отвергла запрос социал-демократов 161 голосом против 100 – *Прим. авт.*), я сделал оговорку о том, что существо этого запроса не соответствует природе запросного права. Предъявленный в настоящее время Гос. Думою запрос составлен с формальной стороны более осторожно, чем запрос Гос. Совета, так как в нем отсутствует один довод, который лег в основу Советского запроса, а довода этого касались во время прений о принятии запроса некоторые ораторы, и поэтому мне в двух-трех словах придется коснуться

и его. Я подразумеваю опорочение права Верховной власти применять ст. 87 при чрезвычайных обстоятельствах, возникших до роспуска палат. Но это право неопровержимо, оно зиждется, основано на жизненных условиях, и как бы наши жизненные и наши законодательные условия ни были различны от таких же условий в западных государствах, но и там, на Западе, это право понимается именно так, а не иначе, и авторитетное мнение науки признает правильность обращения к указанному праву во время перерыва занятий палат, вызванного действиями самих палат. Всякое другое толкование этого права не приемлемо, оно нарушало бы смысл и разум закона, оно сводило бы и право Монарха применять чрезвычайные указы на нет.

Чтобы покончить с формальной стороной запроса, я отмечу еще по поводу указного права как права чисто политического, что и в Западной Европе не существует норм, так сказать, конституционного его применения. Если вы не хотите обратиться к примеру Австрии, то возьмите пример Пруссии. Все чрезвычайные указы, изданные за последнее столетие в порядке § 63 прусской конституции, подвергались оспариванию в прусских палатах, и хотя большинство из них были в конце концов приняты палатами, но многие из них вызывали сильные сомнения, как, например, касавшиеся натуральных повинностей, нового обложения, таможенных сборов и т.д. То, что пытаются представить у нас нарушением закона, незакономерностью, и в Пруссии и в Ав-

стрии никогда не признавалось нарушением конституции. Но если формальная сторона этого дела настолько безукоризненна, то чем же объяснить, господа, тот шум, который поднялся вокруг последних действий Правительства – возбуждение в политических кругах, негодование одних, недоумение других?

Конечно, наивно было бы со стороны Правительства объяснять это непременно желанием сделать ему во что бы то ни стало неприятность. Несомненно, причины лежат гораздо глубже. Чтобы исчерпать вопрос до дна, надо обратиться к ним, и я попытаюсь совершенно спокойно и беспристрастно разобраться в происшедшем, но ввиду только что высказанных мною соображений и я в дальнейших своих объяснениях буду опираться не на ст. 58 Учр. Государственной Думы, а на ст. 40. (Ст. 40 Учреждения Государственной Думы (изд. 1906 г.) гласила «Государственная Дума может обращаться к Министрам и Главноуправляющим отдельными частями за разъяснениями непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел...» – *Прим. авт.*) Просто, добросовестно, насколько это мне доступно, изложу вам сведения по делу, которое согласно этой 40 ст. будет в будущем подлежать вашему рассмотрению. Я считаю это совершенно необходимым, так как Государственная Дума не судебное учреждение, разрешающее уже законченный, совершившийся факт, анатомирующее мертвое тело. Государственная Дума имеет дело с событиями, длящимися с жизнью стра-

ны, а жизненные явления требуют объяснения. В дальнейшем мне, к сожалению, придется подчеркивать пункты и поводы к разногласию между мыслью, заложенной в основание запроса Государственной Думы, и мыслью правительственной. Но ранее этого я мимоходом отмечу одно положение, которое не вызывает и не вызовет между нами разногласий. Правительство, точно так же как и Дума, понимает и признает применимость ст. 87 только в самых исключительных обстоятельствах, и статью эту оно не может, конечно, считать обычным оружием своего арсенала. Что же касается разногласий, о которых я только что упомянул, особенно тех, которые ведут в конце концов к применению чрезвычайных мер, то я охотно признаю, что всякое правительство должно их предвидеть и должно сообразовать свои действия с ожидаемыми последствиями. «Gouverneur – c'est prévoir (руководитель – прежде всего)», – говаривала еще Великая Екатерина, и, конечно, Правительство, действующее не в безвоздушном пространстве, должно было знать, что придет час и оно столкнется с двумя самостоятельными духовными мирами – Государственной Думой и Государственным Советом. Но так как эти два духовных мира весьма между собою различны, то люди, искусенные опытом, находили, находят и теперь, что Правительство должно было мириться с политикой, скажем, некоторого оппортунизма, с политикой сведения на нет всех крупных, более острых вопросов, между прочим, и рассматриваемого нами теперь, с политикой, так сказать, защитного

цвета. Эта политика, конечно, не может вести страну ни к чему большому, но она не приводит и к конфликтам.

Очевидно, во всяком случае, что ключ к разъяснению возникшего недоразумения – в оценке и сопоставлении психологии Гос. Совета и Гос. Думы и Правительства, а в правильности их анализа и заключается разъяснение, требуемое от меня Гос. Думой. Психологию Гос. Совета предвидеть было нетрудно. Законопроекту Правительства, внесенному в Гос. Совет, придавалось уже заранее значение неудачной затеи, и, конечно, трудно было ждать от Гос. Совета отождествления его же отказа в принятии этого закона с чрезвычайным обстоятельством. Признавая Правительство по-прежнему лишь высшим административным местом, не считая его политическим фактором, Гос. Совет должен был увидеть и увидел в совершившемся лишь борьбу между двумя началами, началом административным и началом законодательным, а в действиях Правительства усмотрел лишь ущерб, нанесенный второму началу, законодательному, высшею правящею бюрократией. Психология Гос. Думы несколько сложнее, так как авторы запроса приписывают Правительству нечто другое, и значительно худшее. Я, конечно, не касаюсь, и не буду впредь касаться, личных против меня нападков, личных выпадов: я остановлюсь на более существенной аргументации. Правительство, господа, попросту заподозрено в том, что, пренебрегая всеми законами, даже и Основными, желает править страной по собственному усмотрению, соб-

ственному произволу, и для того, чтобы было легче этого достигнуть, желает приобщить к этому законоубийственному делу и самую Гос. Думу, поэтому отношение правительства к Гос. Думе понималось тут – ну, как яркая провокация или, как оратор Гос. Думы более мягко выразался, как вызов. А так как закон был опубликован в думской редакции, то этому придавалось значение искушения, введения в соблазн Гос. Думы с целью поссорить ее с Гос. Советом, с целью уронить авторитет Гос. Думы и воскресить эру административного засилья.

Кроме этого, в попутных замечаниях обращает на себя внимание еще упрек в крайнем искажении смысла ст. 87 путем создания искусственного перерыва и обвинение Правительства в нарушении избирательного закона. Вот приблизительно, что думали, чувствовали и выражали авторы запроса Гос. Думы.

Мне, конечно придется дольше остановиться на этих мыслях, но раньше я попытаюсь отстранить одно привходящее обвинение, на которое я только что сослался: попрек в нарушении избирательного закона. Я думаю, гг., нет ли тут недоразумения. Указ 14 марта ни одним словом не касается этого вопроса, наоборот, если в указе была бы сделана оговорка о сохранении прежнего порядка выборов, то этим самым были бы изменены правила выборов в Гос. Совете и нарушена была бы ст. 87 Осн. зак. Конечно, несомненно, с введением в Западной России земства, отпадает ст. 5 этих пра-

вил, но не указ 14 марта поражает эту статью, а она сама определяет себя как меру временную, подлежащую уничтожению при наступлении известных обстоятельств, ожидаемых законодателем. Само собою, что полномочия нынешних членов Гос. Совета остаются в силе и с введением земства до окончания срока их выборного, а за это время, очевидно, выяснится, окончательно определится судьба временной меры, проведенной в порядке ст. 87. Покончив с этим эпизодическим обстоятельством, я возвращаюсь к основному вопросу. Из суждений гг. членов Гос. Думы ясно, что корень вопроса, т. е. отклонение законопроекта о западном земстве, до настоящего времени не рассматривался Думою как нечто необычайное, как обстоятельство чрезвычайное. Если видели нечто чрезвычайное в последних событиях, то исключительно только в наружном, бьющем, бросающемся в глаза действии Правительства, т. е. в способе, а не в причине. Словом, решительность меры затмила ее цель и чрезвычайность была признана не в существе вопроса, а лишь в применении ст. 87, как в доказательстве возвращения к худшему <...> из абсолютизмов, к абсолютизму зарвавшихся чиновников... А Правительство со своей стороны видело корень вопроса в исключительности политического момента и ст. 87 понимало лишь как совершенно, конечно, исключительное средство, но как законный способ выйти из ненормального положения. Чтобы понять не только действия, но и побуждения Правительства – надо исходить из предположения, что политиче-

ские обстоятельства сложились не совсем обыденным образом.

Припомним же, гг., положение государственных дел до мартовских событий всем известен, всем памятен установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Гос. Думу, признание их здесь обыкновенно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Гос. Совет, в Гос. Совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов в результате царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах. Заметьте, гг., что я не ставлю вопроса на почву обвинения каких-либо политических партий в излишней радикализации или в излишней реакционности. Я рисую положение так, как оно есть, я хотел бы правдиво изобразить вам те необычные условия, в которых приходилось действовать Правительству, в которых возник и получил дальнейшее развитие закон о западном земстве. Совершенно подчиняясь безусловному праву обеих палат и изменять и отклонять предлагаемые о им законопроекты.

Правительство все же должно было дать себе отчет в том, что бывают ли такие исключительные минуты, когда и само Правительство должно вступать в некоторую борьбу за свои политические идеалы? Правительство должно было решить, достойно ли его продолжать корректно и машинально вертеть правительственное колесо, изготавливая про-

екты, которые никогда не должны увидеть света, или же Правительство, которое является выразителем и исполнителем предначертания Верховной воли, имеет право и обязано вести определенную, яркую политику. Должно ли Правительство, при постепенном усовершенствовании представительных учреждений, параллельно ослабевать или усиливаться и не есть ли это обоюдное усиление, укрепление нашей государственности?

Наконец, вправе ли Правительство испрашивать у Монарха использования всех находящихся в его распоряжении законных средств или это равносильно произволу? И, конечно, господа, Правительство не могло решить этого вопроса в пользу правительственного бессилия! Причина этому не самолюбие Правительства, а прочность государственных устоев. Поэтому и в данном деле, если только придавать ему крупное значение, если учитывать тот волшебный круг, в который попало наше законодательство, Правительство должно было представить Верховной власти законный и благополучный из него выход.

Какой же, господа, мог быть выход из попавшего в изображенное мною только что колесо дела, дела осуществления западного земства, которое имело за себя сочувствие Монарха, которое в главных основных началах прошло через Гос. Думу и было отвергнуто Государственным Советом? Конечно, первый, самый естественный и законный выход заключался во вторичном внесении этого закона на обсуждение

законодательных учреждений.

Многие говорят: если бы Правительство не отвернулось от народного представительства, если бы оно не предпочло остаться одиноким, вместо того чтобы идти рука об руку с Гос. Думой, то при некотором терпении были бы достигнуты желательные результаты без нежелательных потрясений. Но ведь это, гг., не так, это было бы актом самообмана, если не лицемерия, это была бы отписка перед западной Россией, отписка тем более жестокая, что ваши полномочия, полномочия третьей Думы, в скором времени заканчиваются, и для того, чтобы покончить с западным земством, от Гос. Совета не требовалось даже шумной процедуры обыкновенного погребения недоношенных законов – достаточно было сдать его в комиссию и несколько замедлить его рассмотрение. Но, говорят, в таком случае был другой законный способ – это испрошение у Государя Императора роспуска законодательных учреждений.

Но роспуск палат из-за несогласия с Верхней Палатой, которая является главным образом представительством интересов, а не представительством населения, в котором только половина членов выборных, лишено было бы практического смысла и значения. Оставался третий выход – статья 87-я. Я уже говорил, господа, что Правительство ясно отдавало себе отчет, что оценка законодательными учреждениями акта Верховной власти представляет из себя юридическую невозможность. Но, принимая вопрос именно так и зная, что зако-

нодательные учреждения снабжены гораздо более сильным средством – правом полного отклонения временного закона. Правительство могло решиться на этот шаг только в полной уверенности, что акт, изданный по ст. 87, по существу своему для Гос. Думы приемлем. Внесение в Гос. Думу на проверку закона, явно для Гос. Думы неприемлемого, представляло бы из себя, конечно, верх недомыслия, и вот отсутствие этого недомыслия, тождественность акта, изданного по ст. 87, с законопроектом, прошедшим через Гос. Думу, опорочивается как соблазн, как искушение, как лукавство!

Опорочивается также и искусственность перерыва, и проведение по ст. 87 закона, отвергнутого Верхней Палатой в порядке ст. 86. Но, господа, то, что произошло теперь в более ярком освещении, молчаливо признавалось Гос. Думой при других обстоятельствах! Я не буду касаться мелких законов, я напомним вам прохождение законопроекта о старообрядческих общинах. Вы знаете, что по этому закону не состоялось соглашения между обеими Палатами и что в настоящее время требуется лишь окончательная санкция этого разногласия Гос. Думою и закон отпадет! Ни для кого не тайна, что Гос. Дума заслушает это разногласие перед одним из перерывов своих занятий в полной уверенности, что Правительство исходатайствует у Государя Императора восстановления существующего закона, в порядке 87 статьи.

Совершенно понятно, что если бы постановление Государственной Думы последовало не перед естествен-

ным перерывом, то перед Правительством во весь рост стал бы вопрос о необходимости искусственного перерыва, так как нельзя, господа, нельзя приводить в отчаяние более 10 000 000 русских по духу и по крови людей из-за трения в государственной машине. Нельзя, господа, из-за теоретических несогласий уничтожать более 1500 существующих старообрядческих общин и мешать людям творить не какое-нибудь злое дело, а открыто творить молитву, лишить их того, что было им даровано Царем. И в этом случае Гос. Дума, устраняя необходимость искусственного перерыва, сама прикровенно наводит, толкает Правительство на применение 87 ст.!

Я в этом не вижу ничего незаконного, ничего неправильного, но я думаю, что оратор, на которого я раньше ссылался, должен был бы усмотреть тут, по его собственному выражению, «вызов», но уже со стороны Государственной Думы по отношению к Правительству, а Правительство по этой же теории должно было бы, вероятно, воздержаться от этого «искусительного предложения».. Взвинтить на ненужную высоту возможно, конечно, каждый вопрос, но государственно ли это? Конечно, ст. 87 – средство крайнее, средство совершенно исключительное. Но, господа, она дает по закону возможность Монарху создать выход из безвыходного положения. Если, например, в случае голода законодательные учреждения, не сойдясь между собою, скажем, на цифрах, не могли бы осуществить законопроект о помощи голодаю-

щему населению, разве провести этот закон возможно было бы иначе, как в чрезвычайном порядке? Поэтому правильно было искать в этом же порядке утолнение духовного голода старообрядцев. Но отчего же менее важны культурные интересы шести западных губерний?

Почему они должны быть принесены в жертву нашей гармонически законченной законодательной беспомощности? Потому, скажут мне, что эти 6 губерний жили до настоящего времени без земства, проживут без него и далее, потому что этот вопрос не касается всей России и не может быть поэтому признан первостепенным. Но ведь старообрядческие общины и неурожаи – вопросы, которые по распространению своему не касаются всей России. Всей России в вопросе западного земства касается нечто другое и более важное, чем географическое его распространение. Впервые в русской истории на суд народного представительства вынесен вопрос такого глубокого национального значения. До настоящего времени к решению таких вопросов народ не приобщался, и, может быть, поэтому он становился к ним все более и более равнодушен; чувство, объединяющее народ, чувство единения тускло и ослабевало! И если обернуться назад и поверх действительности взглянуть на наше прошлое, то в сумерках нашего национального блуждания ярко вырисовываются лишь два царствования, озаренные действительной верой в свое родное русское. Это царствование Екатерины Великой и Александра III.

Но лишь в царствование Императора Николая II вера в народ воплотилась в призывание его к решению народных дел; и быть может, гг., с политической точки зрения не было еще на обсуждении Гос. Думы законопроекта более серьезного, чем вопрос о западном земстве. В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения, которому Государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло Государству, и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной нашей границе на страже русских Государственных начал. Если еще принять во внимание, что даже поляки в городах Царства Польского молчаливо одобряют ограждение их от подавляющего влияния еврейское населения, путем выделения его в отдельные национальные курии, если того же самого в более или менее близком будущем в той или другой форме будут требовать и немцы Прибалтийского края по отношению к эстонцам и латышам, то вы поймете, насколько скромна была попытка нашего законодательного предположения оградить права русского населения в шести западных губерниях.

Не без трепета, гг., вносило Правительство впервые этот законопроект в Гос. Думу, восторжествует ли чувство народной сплоченности, которым так сильны на Западе и на Востоке, или народное представительство начнет новую федеративную эру русской истории? Победил, как вы знаете, исторический смысл: брошены были семена новых русских поли-

тических начал, и если не мы, то будущие поколения должны будут увидеть их рост. Но что же произошло после этого? Отчасти случайно, по ошибке, отчасти нарочито, эти новые побеги, новые ростки начали небрежно затаптываться людьми или их не разглядевшими, или их убоявшимися. Кто же должен был оградить эти всходы? Неужели гибнуть тому, что было создано, в конце концов, взаимодействием Монарха и народного представительства? Тут, как в каждом вопросе, было два пути, два исхода. Первый путь – уклонение от ответственности, переложение ее на вас путем внесения вторично в Гос. Думу правительственного законопроекта, зная, что у вас нет ни сил, ни средств, ни власти провести его дальше этих стен, провести его в жизнь, зная, что это блестящая, но показная демонстрация! Второй путь: принятие на себя всей ответственности, всех ударов, лишь бы спасти основу русской политики, предмет нашей веры...

Первый путь – это ровная дорога и шествие по ней, почти торжественное, под всеобщее одобрение и аплодисменты, но дорога, к сожалению, в данном случае не приводящая никуда. Второй путь – путь тяжелый и тернистый, на котором под свист насмешек, под гул угроз, в конце концов – все же выход к намеченной цели. Для лиц, стоящих у власти, нет, господа, греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности.

И я признаю открыто: в том, что предложен был второй путь, второй исход, ответственны мы; в том, что мы, как уме-

ем, как понимаем, бережем будущее нашей родины и смело вбиваем гвозди в вами же сооружаемую постройку будущей России, не стыдящейся быть русской, ответственны мы, и эта ответственность – величайшее счастье моей жизни. И как бы вы, господа, ни отнеслись к происшедшему, а ваше постановление, быть может, по весьма сложным политическим соображениям, уже предрешено, как бы придиричиво вы ни судили и ни осудили даже формы содеянного, я знаю, я верю, что многие из вас в глубине души признают, что 14 марта случилось нечто, не нарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства. Патриотический порыв Гос. Думы в деле создания русского земства на западе России был понят, оценен и согрет одобрением Верховной власти.

Заседание Государственной Думы 16 ноября 1907 г. Декларация правительственной программы

Господа члены Государственной Думы! Для успеха совместной работы вашей с Правительством вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых Правительством, о способах, намеченных для их достижения, и о существовании законодательных его предложений.

Ясная и определенная правительственная программа является в этих видах совершенно необходимою. Поэтому, несмотря на то, что я еще так недавно излагал перед второй Думой правительственные законопроекты, оставшиеся с тех пор без рассмотрения, мне приходится вновь выступить с заявлением от имени Правительства.

Хотя на рассмотрение ваше, господа члены Государственной Думы, вносятся те же, за малыми исключениями и изменениями, законопроекты, которые внесены были во вторую Думу, но условия, в которых приходится работать и достигать тех же целей, не остались без изменения. Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные, преступные элементы, разоряя честных тружени-

ков и развращая молодое поколение.

Противопоставить этому явлению можно только силу. Какие-либо послабления в этой области Правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты. По пути искоренения преступных выступлений шло Правительство до настоящего времени – этим путем пойдет оно и вперед. Для этого Правительству необходимо иметь в своем распоряжении, в качестве орудия власти, должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности; поэтому проведение ими личных политических взглядов и вперед будет считаться несовместным с государственною службою.

Начала порядка, законности и внутренней дисциплины должны быть внедрены и в школе, и новый строй ее, конечно, не может препятствовать Правительству предъявлять соответственные требования к педагогическому ее персоналу. Сознавая настоятельность возвращения Государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, Правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия. Оно пойдет к этому путем созидательным, твердо веря, что благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия Правительство не будет доведено смутуою до необходимости... предложить законодательным собраниям законопроект о временной приостановке судеб-

ной несменяемости.

При наличии Государственной Думы задачи Правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на преобразование администрации и полиции Правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений путем обличения незаконных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной. При этих условиях Правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и Правительства обратить к внутреннему ее устройению. Устройство это требует крупных преобразований, но все улучшения в местных распорядках, в суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного, земледельческого класса государства.

Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательные учреждения заложат то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное Русское государственное здание. Поэтому коренною мыслью теперешнего Правительства, руководящею его идеею всегда будет вопрос землеустройства. Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силою, – а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мел-

кой личной земельной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования – вот задачи осуществление которых Правительство считало и считает вопросами бытия Русской державы.

...На устойчиво заложенном таким образом основании Правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения и ведения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни, между которыми государственное попечение неспособных к труду рабочих, страхование их и обеспечение им врачебной помощи останавливают теперь особенное внимание Правительства.

Соответственные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Государственную Думу. Другие же, как затрагивающие многосторонние, местные интересы, будут предварительно проводиться через Совет по делам местного хозяйства и вноситься в Думу постепенно, с принятыми Правительством поправками и, во всяком случае, с заключением названного Совета <...>.

Замечания местных деятелей могут быть быстрее всего сведены в единое целое и соображены Правительством путем живого общения с представителями земств и городов, и результаты этой работы должны послужить драгоценным материалом для законодательных учреждений и особенно их

комиссий.

<...> Из проектов, касающихся земельного устройства, ныне же вносится в Государственную Думу проект о земельных обществах. В области местных преобразований принципиальное значение имеет представляемый в Думу проект Министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого: о неприкосновенности точности, и целый ряд преобразований в местном управлении <...>.

При этом Правительство почтет своим долгом в принадлежащей ему области содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия. Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной Думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целостности будет для Правительства руководящею.

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшие отношения со всеми державами, особые заботы Правительства будут направляться к осуществлению воли Государственного Вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России. Для этого нужно напряжение материальных сил страны, нужны средства, которые будут испрошены у вас, посланных сюда стра-

ною для ее успокоения и упрочения ее могущества.

От наличия средств зависит, очевидно, осуществление всех реформ и разрешение вопроса о последовательности их проведения в жизнь. Поэтому подсчет средств, которыми располагает государство, является работою не только основною, но и самую срочною. Вам придется вследствие сего неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесенной в Государственную Думу государственной росписи и при этом считаться, конечно, с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита.

Со своей стороны Правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя через Думу и Государственный Совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно, восстановят порядок и укрепят прочный правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию. В этом отношении Монаршая воля неоднократно являла доказательства того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные Ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы Высочайше дарованного ей представительного строя.

Проявление царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная

Власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для Государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды.

Публ. по: Столыпин П.А. Полное собрание речей в Гос. думе и Гос. совете 1906–1911. М., 1991.